

Взаимная рецепция философских идей Ф.В. Ницше и Ф.М. Достоевского

Рейтер Кирилл Александрович

Кандидат философских наук

Доцент ВАК

SPIN-код: 5898-5790

Аннотация: В статье рассматриваются одна из центральных проблем современной гуманитарной науки о взаимной рецепции философских аспектов творчества русского мыслителя Федора Михайловича Достоевского и представителя немецкого направления «философии жизни» Фридриха Вильгельма Ницше.

Ключевые слова: человек, общество, кризис, воля, мораль.

«Мы более искренни по отношению к другим,
чем по отношению к самим себе»

Фридрих Ницше

Творческое наследие немецкого философа Фридриха Ницше и русского мыслителя Федора Михайловича Достоевского вызывает немало споров в научных кулуарах, однако на протяжении многих лет ученые-философы находят все больше и больше аспектов взаимного проникновения идей этих двух непохожих друг на друга мыслителей.

Начиная рассуждать о творчестве Фридриха Ницше необходимо обратиться к понятию морали. Все идеи Ницше относительно государства, христианства или назначения философии неизбежно сводились к проблеме морали, на основе норм и ценностей которой, собственно, и строится все человеческое существование. Элементы морали органически вплетаются в нашу жизнь в процессе воспитания и составляют даже не столько основу,

сколько уже каркас нашего мировоззрения и мировосприятия, взаимодействия с окружающей физической и социальной сферой. Таким образом, общественная мораль, в какой форме она ни воплощается в нашем сознании, накладывает неизгладимый отпечаток на всю жизнь человеческого существа, зачастую определяя его жизненные пути. С одной стороны, эта функция морали обладает высокой ценностью, направляя человеческие возможности, с другой – она эти возможности ограничивает, заставляя мыслить и действовать посредством своих понятий и ни коим образом вне их. Отсюда вывод: у общественной морали есть свои недостатки, и недостатки эти при этом весьма существенны

Идея сверхчеловека – центральная в философии Фридриха Ницше. В конце XIX века немецкий философ Карл Евгений Дюринг предположил, что вся Вселенная может иметь вид комбинации всего нескольких элементарных частиц. Исходя из этого предположения мировой процесс есть не что иное, как циклическое повторение однажды уже случившегося явления. Фридрих Ницше впоследствии развил эту идею положив в основу бытия некое определенное количество квантов силы, понимаемых не как физические явления, а как биологические проявления. Кванты или фотоны, подобно объективациям воли в философии жизни Артура Шопенгауэра, находятся в постоянной борьбе друг с другом, образуя при этом отдельные сочетания. А так как число квантов постоянно, то периодически должны складываться комбинации, уже бывшие когда-то прежде. Исходя из этого бытие в том виде, в котором оно существует, не имеет цели и смысла, оно неумолимо вновь и вновь, никогда не переходя в небытие, неизбежный вечный круговорот и вечное возвращение. Следовательно, повторяется и человек, и, значит, никакой потусторонней небесной жизни в природе не существует и каждое мгновение, вечно, поскольку неизбежно возвращается. Сверхчеловек тот, кто воплощает в своей жизни христианский идеал, выраженный апостолом Павлом: все мне позволено,

но ничто не должно обладать мною¹. Сверхчеловек, тот, кто должен заменить умершего Бога, тот, кто творит свою жизнь сам, без подсказки, тот, кто свободен во всем. Реальный предмет размышлений Ницше – это человек, несущий в себе образ сверхчеловека. Такой человек – это мост между животным и человеком, это стрела, устремленная к идеалу сверхчеловека.

В работе «Так говорил Заратустра» Ницше провозглашает: Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором². «Высшие люди», аристократы духа, аргонавты идеала – это не хозяева жизни. Тот, кто стремится воплотить в своей жизни идеал сверхчеловека, обречен погибнуть от руки тех, кто привержен к человеческому, слишком человеческому. Мученичество, героизм, свободная смерть – вот что ждет того, кто любит в себе и в других «дальнего».

Однако возникает естественный вопрос: можно ли понимать сверхчеловека в качестве категории, применимой только к будущему состоянию человека и никаким образом не подходящей к нему в его нынешнем состоянии? Если в будущем человек и сможет раскрыть своё значение в качестве абсолютного центра Бытия, то, очевидно, это значение не сможет прийти к нему извне. Оно должно всегда присутствовать в нём. Выходит, что отличие того состояния человека, в котором он пребывает сейчас, от состояния сверхчеловека заключается «лишь» в том, что в последнем состоянии он раскрывает своё подлинное значение, переводит его из формы потенциальности в форму актуальности.

Проникновение Ницше в отечественную культуру – национальную традицию шло через внутреннюю полемику, критику, опровержение и

¹ Библия. (1 Кор. 6:12) Синодальный перевод. [Электронный ресурс] / Библия ОнЛайн. URL: <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/53/06/?r=BF> (Дата обращения 10.03.2017)

² Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: Эксмо. 2015. – С. 14.

неприятие ряда положений его философии. Понимание идей Ницше в России было не однозначным. Вряд ли можно говорить о едином образе Ницше, т.к. каждый отечественный читатель открывал в немецком философе что-то свое.

По сути, Ницше предстал перед русским читателем в самых разных ипостасях – от богоборца до богоискателя, от идеолога мещанства до врага его и союзника русского освободительного движения, от насаждающего «древо смерти» до проповедующего «радость жизни». Ницше вдохновлял на поиск ценностей: свободы, красоты, творчества, на эксперименты в искусстве, литературе, музыке, кино.

В вопросе о взаимном воздействии идей Достоевского на Ницше большинство критиков сходятся на том, что идеи Федора Михайловича повлияли на создание образа Христа в «Антихристе» немецкого философа. С одной стороны, здесь можно найти обычные для самых известных работ Ницше утверждения, заставляющие говорить о его «антигуманизме». С другой стороны, кульминацией работы Ницше является его обращение к личности Иисуса Христа, и тут мы обнаруживаем удивительное изменение тона его суждений. Вместо осуждения, Ницше превозносит его и, по сути, превращает его в воплощение того самого «Сверхчеловека» о котором говорил в своих более ранних произведениях. Философ отделяет Иисуса от христианства и, осуждая второе, говорит, что никто не смог понять подлинного смысла проповедей Христа. Влияние работ Достоевского на Ницше становится очевидным, когда Ницше называет Иисуса «идиотом». Понятно, что это слово использовано здесь не в отрицательном, а в положительном смысле, скорее всего, в качестве прямой отсылки к роману Достоевского «Идиот», где им выведен образ «земного Христа», «идиота» князя Мышкина.

Всё, что далее Ницше ещё пишет об образе Иисуса Христа, ещё больше подтверждает это предположение – он интерпретирует его точно

так же, как это делает Достоевский в историях своих героев – Мышкина и Кириллова. Для Ницше принципиальным является не соединение Бога и человека, а признание «Богом» внутреннего состояния самой личности, раскрывающей своё бесконечное содержание. В этом состоянии достигнутого, обретённого внутреннего совершенства, раскрытой абсолютности своего бытия, человек приходит к пониманию того, что не он подчинён природному бытию, а оно является «символом» и выражением абсолютности бытия личности.

Критика исторического христианства Ницше предстала как указание на возможность бесконечного творческого движения в самом христианстве. У Достоевского писатель увидел прорисованный с «неимоверной новизной и дерзновенностью» облик нового христианства как высшего утверждения жизни, «новой любви к земле».

И если предположить, что Христос у Ницше – это князь Мышкин Достоевского, то наиболее ярко ницшеанские идеи, в особенности идея о сверхчеловеке, можно обнаружить в произведении Федора Михайловича «Преступление и наказание». И достаточно перечесть хотя бы только рассуждения Раскольникова о праве сильной личности жить и действовать как бы по ту сторону добра и зла, чтобы уловить в них зародыш ницшеанства.

В первоначальном замысле «Преступления и наказания» это несложная мысль, блуждающая в сознании отдельного человека – убить одно ничтожное вредное и богатое существо, чтобы осчастливить на его деньги много прекрасных, но бедных людей. Позднее Достоевский изображает Раскольникова изображен как гуманиста, горящего желанием вступить за «униженных и оскорбленных»: «Я не такой человек, чтобы дозволить мерзавцу беззащитную слабость. Я вступлюсь. Я хочу вступиться». Но идея убийства из-за любви к другим людям, убийства человека из-за любви к человечеству, постепенно «обрастает»

стремлением Раскольникова к власти, но движет им еще не тщеславие. Он стремится получить власть, чтобы полностью посвятить себя служению людям, жаждет использовать власть только для совершения добрых поступков: «Я власть беру, я силу добываю – деньги ли, могущество ль – не для худого. Я счастье несу». Но в ходе работы Достоевский все глубже проникал в душу своего героя, открывая за идеей убийства ради любви к людям, власти ради добрых дел странную и непостижимую «идею Наполеона» – идею власти ради власти, разделяющую человечество на две неравные части: большинство – «тварь дрожащая» и меньшинство – «властелины», призванные управлять меньшинством, стоящие вне закона и имеющие право, подобно Наполеону, во имя нужных целей переступить через закон. В третьей, окончательной, редакции Достоевский выразил «созревшую», законченную «идею Наполеона» – Можно ли их любить? Можно ли за них страдать? Ненависть к человечеству³.

Таким образом, в творческом процессе, в постижении замысла «Преступления и наказания» столкнулись две противоположные идеи: идея любви к людям и идея презрения к ним.

Личностный характер философской проблематики закономерно выдвинул на первый план вопрос о нравственной ответственности человека за все, что происходит в мире. Проблема добра и зла – центральная в романах Достоевского – решается мыслителем не отвлеченно, а применительно к конкретному человеку, в плане его личной причастности к тому и другому. Герои Достоевского, живущие в основном в нравственной атмосфере складывающегося в России буржуазного общества, крайне остро и болезненно воспринимают чужое горе и страдание, постоянно чувствуя, что боль других имеет к ним самое непосредственное отношение. Так, Раскольников ощущает личную

³ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 95.

ответственность не только за судьбу матери и сестры, но и за страдания семьи Мармеладовых, и за неизвестную ему девочку, и за те сотни жизней, которые «попадают в процент» и «уходят куда-то... к черту, должно быть», – в конечном счете, герой чувствует нравственную причастность ко всем людям, потребность найти корень зла и уничтожить его.

Раскрытие такой проблематики естественно вело к появлению в произведениях Достоевского глубокого психологизма. Своеобразие его психологического стиля во многом определялось и особым характером изображенных им героев. Как и у Льва Толстого, герои у Достоевского разрешают проблемы, которые волнуют самого автора. Им свойственны, следовательно, исключительная философичность мышления, обостренная эмоциональная чуткость, неординарность внутреннего мира. Такие черты были необходимы для того, чтобы философская проблематика романа была поставлена и разрешена на авторитетном уровне.

Ницшевыи сочинения оказали огромное воздействие на современников. Далеко не всем были близки яростные нападки Ницше на христианство, но поставленные немецким писателем вопросы были весьма остры и приглашали взглянуть на «конец века» как на уникальный момент, «перевал» в истории европейской культуры. Именно под влиянием Ницше художники рубежа веков противопоставили себя бытописательству характера и среды XIX в. В творчестве Ф. Ницше неприятие европейского декаданса, с одной стороны, и поиск противопоставленного ему идеала нового Человека – с другой, выражены настолько сильно, что этим своим «голодом» сверхчеловечества, человекобожия немецкий философ буквально заразил несколько поколений западных мыслителей и интеллектуалов. Квинтэссенция воззрений Ницше заключается в потребности художника так деформировать мир, чтобы суметь в нем выжить. Эта трагическая формула касается не только критики

«девальвировавших» ценностей, но затрагивает и самокритику, «вечное возвращение» к себе.

Достоевский до самого конца оставался, убежден, что Россия, ее народ окажется невосприимчивым к нигилистическим идеям саморазрушения, исторического самоотрицания западной культуры, писатель был уверен в том, что здоровые почвенные силы народа еще сильны святоотеческой верой и что революционное движение – это лишь поветрие в умах университетской молодежи.

Поиск настоящего человека и самой человечности вот главное, что объединяет Федора Михайловича Достоевского и Фридриха Вильгельма Ницше.

Источники и литература:

1. Библия. Синодальный перевод. [Электронный ресурс] / Библия ОнЛайн. URL: <https://www.bibleonline.ru> (Дата обращения 10.03.2017).
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – М.: Художественная литература, 1971.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: Эксмо, 2015.